

КОСТЫРЯ И. О. “Национальная идея” как феномен политической антропологии.

В статье определяются проблемы политической детерминации культурных процессов в контексте политической антропологии и национальных приоритетов культуротворчества.

Ключевые слова: культура, политика, национальная идея, политическая антропология.

KOSTYRYA I. O. “National idea” as phenomenon of political anthropology.

In the article the problems of political to influence of cultural processes are determined in the context of political anthropology and national priorities of creation of culture.

Keywords: culture, policy, national idea, political anthropology.

**Нихад Лоутфи Хадж Асаад
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова**

ПРОЦЕСС ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ВКЛАД ИТАЛЬЯНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ДО МОМЕНТА ПРОВЕДЕНИЯ МЕССИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В статье исследован процесс европейской интеграции и вклад итальянской дипломатии в этот процесс, начиная с зарождения идеи евроинтеграции в двадцатых годах и до момента проведения Мессинской конференции. Рассматривается путь преобразования понятия евроинтеграции в коллективном сознании, который был долгим и трудным, а также находил разное отношение в итальянском правительстве.

Ключевые слова: Евроинтеграция, Мессинская конференция, итальянская дипломатия.

Не смотря на существование большого массива историографической литературы о процессе европейской интеграции, важный вклад итальянской дипломатии в этот процесс до сих пор не был эффективно, высококачественно и тщательно исследован. Ученые признали исторические исследования по вопросам европейской интеграции устаревшими. Причиной этому является проблема доступа к первичным документальным источникам, а также стремление многих исследователей отойти от методологических подходов, которые разделяют международную политику и внутреннюю политику. Ввиду выше изложенного сложилась ситуация, при которой агиографический экскурс в процесс европейской интеграции не сопровождался тщательным и адекватным научным анализом [18, с. 221].

Совсем недавно, во введении к коллекции архивных документов про роль Италии в строительстве Европы, был изложен факт, что “этот фундаментальный аспект республиканской внешней политики” был исследован “лишь частично в истории, описывающей европейскую интеграцию” с целью укрепления ложного образа роли маргинальных сил, который существовал в Италии (работы таких авторов, как Альчиде Де

Гаспери или Алтьеро Спинелли) [10, с. 77-78].

Подход, который рассматривает роль Римского договора в контексте итальянской национальной истории, не может игнорировать связь между восстановлением Европы с 1955 года и настроениями в стране. Понятие европеизма начало упоминаться уже в двадцатые годы.

Однако путь его преобразования в коллективном сознании был еще долгим и трудным. Через двадцать лет после подписания договора Эмануэль Газзо подметил, что "проект формирования европейского сознания, а затем европейского общественного мнения, получил развитие благодаря режиму подпольного сопротивления". Распространение и объяснение понятия европеизма происходило посредством создания манифеста Вентотене и подобного рода документации, а также через просачивание информации в массы на последнем этапе переговоров перед подписанием договора, без чего это понятие так бы и осталось в кругу просвещенного меньшинства [15, с. 552].

В частности Газзо писал, что в период "возрождения" европейской идеи европеизм возник как реакция небольшой группы европейцев, занимающих ключевые посты, и закончился подписанием Римского договора, пройдя три этапа: первый продолжался в течение восьми месяцев - с октября 1954 по июнь 1955 года, когда был подписан с максимальной секретностью пересмотренный договор до даты проведения конференции, организованной в Мессине; второй этап длился одиннадцать месяцев, от Мессинской Конференции до Венецианской конференции в мае 1956 года; третий этап - это сами переговоры, длившееся девять месяцев, до момента подписания договоров. Переговоры, несмотря на их конфиденциальность, привели к некоторым общественным обсуждениям даже на парламентском уровне [15, с. 559].

Исследуя этапы "восстановления Европы", общественное мнение можно исследовать лишь поверхностно. В Италии, где, опять же со ссылкой на Газзо, всегда было большое стремление к европейской идее, партии не уделяли особого внимания этой теме. Коммунисты в то время были еще привязаны к сталинизму и очень предвзято относились к идее строительства Европы, рассматривая ее как укрепление американской гегемонии на Западе. Среди социалистов бытовали разные идеи, ввиду чего нейтралитет Ненни пошатнулся в ходе переговоров в Брюсселе. Однако социалисты не могли внести значительный вклад в кампанию, проведенную большинством партий, независимо от того, заняли бы они позицию против ратификации договоров, воздержались относительно Договора про общий рынок или участвовали в голосовании в пользу Договора о создании Евратома.

Многие политические силы выразили необходимость ведения дипломатических переговоров, однако итоги переговоров не были предсказуемы заранее.

За взаимодействие и безоговорочное Европейское сотрудничество выступала либеральная партия, которая, однако, не могла реализовать свои идеи без поддержки христианских демократов [19, с. 288-290].

В партии большинства не было единства в вопросах внешней политики, поскольку позиция ее левого крыла была если не враждебной, то, по крайней мере, критичной или незаинтересованной в динамике европейской интеграции [22, с. 977-978].

Поддержка европейской интеграции была и среди политических сил меньшинства. Европейская идея поддерживалась партией Итальянского социального движения (итал. Movimento Sociale Italiano, MSI), что было связано с желанием получить политическую легитимность через оппозицию коммунистам, а не подлинным и искренним желанием содействовать интеграции. Итальянское социальное движение видело в европейском строении необоснованное возвышение экономики над политикой и осуждало отделение институтов от общественной политики.

В этом контексте итальянские дипломаты находились в состоянии полной изоляции. Несмотря на это, политические деятели из Палаццо Киджи могли с политическим интеллектom и профессионализмом провести амбициозную политику, примирив цели интеграции с национальными идеями других партнеров, и избежать утопизма, который был характерен идее добросовестного Европеизма среди многих активистов.

Альтиерио Спинелли описывает в Энциклопедии XX века образ Европы, которая под влиянием Европеизма стала жертвой прогрессивной дегенерации национального государства. Некоторые выдающиеся деятели были против Европеизма и выступали за стандартные рамки Европы тридцатых годов. Среди них был Ричард Куденхове Калерги, французский и немецкий министры иностранных дел, Аристид Бриан и Густав Штреземан [20, с. 231-234].

Итальянские дипломаты, подписавшие Римский договор, несколько десятилетий спустя начали свою карьеру в Палаццо Киджи. Пьетро Кварони, Витторио Зоппи, Аттилио Каттани, Альберто Росси Лонжи писали, что взаимосвязь между национальными интересами является необходимым для создания любого проекта соглашения в масштабах материка.

Прагматический подход вдохновлял этих людей даже в годы дипломатического безрассудства Муссолини.

Историография свидетельствует, что симбиоз итальянской

дипломатии империализма и политики альянса фашизма не была уникальной. Некоторые должностные лица Палаццо Киджи стали послушными игроками предлагаемых схем, другие, не колеблясь, выражали свое несогласие, но большинство предпочли балансировать на грани, пытаясь смягчить эксцессы фашизма посредством умеренности и разумности [16, с. 130].

Существовавшее на то время Европейско-Атлантическое направление лишь на какой-то момент стало догмой Итальянских дипотношений. До 1947 года происходило тесное обсуждение возможных вариантов Западной политики. Некоторые представители Итальянской дипмиссии в условиях биполярности мнений выразили убеждение, что Европа могла бы представлять собой некий инструмент для подавления насильственных настроений внутри одной из стран. При поддержке Пьетро Ненни, возглавляющего министерство иностранных дел, а также дипломатов, имеющих непосредственное влияние на политику, проект интеграции Европы переходил в состояние "нейтралитета". На этот процесс вне всякого сомнения повлиял Альчиде Де Гаспери, который в тесном сотрудничестве с Карло Сфорца стал основоположником Западноориентированного направления Италии, которая подписала Атлантический договор и вошла в него 4 апреля 1949 года. В эти годы идея Европейского союзничества претерпевает изменения, происходит подмена целей интегрирования Европы в более широких рамках международного равновесия.

К идее Роберто Гайя о безопасности, тесно связанной с участием в Атлантическом союзе, примкнула и другая более прогрессивная идея Европейского сообщества [14, с. 79-80]. Таким образом, Европейская идеология становилась для Итальянской дипломатии не только политикой, которая нерушимо связывала себя с Атлантическим союзом, но также и инструментом, способным противостоять общественному мнению, а также партиям, заручившихся большинством голосов. Такое положение дел также благоприятствовало решению задач Итальянской внешней политики, особенно в вопросе определения границ Германии. Еще с XIX века Италия вела переговоры с Германией, итогами которых всегда была неудовлетворенна. Этот вопрос стал актуален после второй мировой войны, когда на Западе вынуждены были заняться поиском лучшего решения для возвращения Западной Германии абсолютного суверенитета. [21, с. 40-41].

Решение было найдено в проекте соглашения Европейского оборонного сообщества, которое возвращало Германии ее права, а Западу позволяло улучшить свою перспективу в рамках обороны своих

позицій. Обязательства Итальянской стороны в рамках оборонного Европейского сообщества были также мотивированы интересами политического сотрудничества, придававшего ей дипломатический вес, который Италия не имела в рамках Атлантического союза. Однако Итальянское оборонное сообщество было задушено Французским национальным собранием на национальной ассамблее в августе 1954 года. Это стало неким выражением политического и культурного климата, подробно описанного в деловых документах Итальянского посла Пьетро Кварони. Архивы Европейского сообщества обороны (ЕСО) доказывают, что Европейское единство нельзя было воспринимать только как метод вероломного воздействия на национальную политику отдельных государств.

За провалом этой идеи последовала очередная веха в истории Европейской дипломатии, увенчанная подписанием Парижского трактата (23 октября 1954 года), учрежденного Западноевропейским союзом (ЗС), который поставил перед собой задачу преодолеть трудности, связанные с вотумом недоверия со стороны Франции. Итальянское правительство считало вполне приемлемым решение о вступлении в Западноевропейский союз.

Однако за разговорами о прогрессирующем подъеме Атлантического союза скрывались факторы, которые ставили под сомнение роль Италии в ущемлении американской лидирующей верхушкой интересов Европейских держав, таких как Франция, Великобритания и Германия. В Италии возникли новые стратегии и перспективы, которые позволили нашей стране показать, насколько она могла быть влиятельной и иметь вес в политических кругах. В этом ракурсе рассматриваются попытки придать автономию Итальянской внешней политике с помощью дипломатического движения во главе с Джованни Гронки и его новоатлантической формулой Джузеппе Пела, а также Энрико Маттей с его экономической дипломатией. Переоценка роли Италии, выступающей в качестве моста не только с севера на юг, но также с востока на запад, представлялось мужам в министерстве иностранных дел весьма и весьма затруднительным и даже не безопасным: затруднительным – потому что Италия находилась не в состоянии диктовать свои условия в международных отношениях; и не безопасно – потому что внешняя политика находилась в состоянии колебания, что было чревато кризисом международных доверительных отношений, которые с таким трудом были достигнуты Итальянской дипломатией за годы десятилетия [12, с. 154-155].

Подъем Европейских отношений, напротив, сыграл роль катализатора в создании подходящей политической арены Италии. Арест, наложенный на

ЕСО, заставил многих поверить и убедиться, что процесс Европейской интеграции пришел к своей завершающей стадии. К счастью, веянья, пришедшие с севера, внесли некий новый резонанс и надежду. Жан Монне выдвинул предложение расширить интеграцию по секторам от черной металлургии до атомной энергии. Это предложение вызвало обсуждения среди стран Бенилюкса. Страны Бенилюкса, однако, отдавали большее предпочтение так называемой горизонтальной интеграции, которая дала бы толчок к развитию общих рыночных отношений. Ввиду таких перспектив возобновился диалог, за которым в мае 1955 года последовало решение собрать конференцию лидеров Европейских держав [11, с. 121-124].

В этот период в здании министерства иностранных дел все было готово для возобновления и продвижения вперед Европейской договоренности благодаря проницательности и понимания отдельных людей, которые на тот момент занимали ключевые позиции во внешней политики: это министр иностранных дел Гаитано Мартино, самая что ни на есть душа и тело будущих переговоров. и президент совета министров Антонио Сеньи Важную роль в судьбе Европейского подъема сыграла ее дипломатия. Генеральный секретарь министерства иностранных дел – Альберто Росси Лонги, старая фигура в рядах дипломатии, в своей вере в атлантический союз поставил бесповоротную точку в этом процессе [1, с. 772].

Диспозиция отдельных представителей дипломатии оказалась весьма удачной. В Париже на протяжении десятилетия Пьетро Кварони удавалось следовать Французской политике анахронизма, учитывая которую он разрабатывал эффективные дипломатические стратегии [2, с. 782]. В Вашингтоне дипломатической деятельностью занимался Манильо Брузио, который благодаря поддержке Эджидио Ортона сразу же проникся теми мыслями и идеями, которые блуждали по коридорам Белого дома. В Лондоне и Бонне соответственно занимали свои посты Витторио Цоппи и Умберто Грацци [6, с. 888-889]. В Риме в марте 1955 года Аттилио Каттани был назначен генеральным директором в делах хозяйственной экономики, который был самым близким советником Мартино в данной сфере занятости наряду с Роберто Дучи, назначенным на пост президента комитета редколлегии Римских договоренностей. Эта группа людей, профессионалов в своем деле, сыграла важную роль в продвижении вперед Европейского сообщества, всегда учитывая потребности и опекая национальные интересы.

Их действия были направлены на ограждение Италии от проектов весьма сомнительного характера.

Итальянская дипломатия видела в интеграции Европы не столько

успех утопистских программ, сколько полезный инструмент, который был в состоянии оживить и дать определенный национально – политический идентитет странам Западной Европы, а также внести сплоченность в ряды стран, присоединившихся к Атлантическому пакту [5, с. 897]. Руководствуясь этим, дипломаты, взявшие участие в большом числе встреч, проводимых на международном уровне с целью решения будущего Европы, не могли не ознакомиться с идеями Гаetano Мартино, ставшего Министром иностранных дел в 1954 году, который уже долгое время занимался вопросами объединения стран европейского континента. В то время он сразу же рассмотрел счастливую возможность воплотить в жизнь инициативы важнейшего характера [3, с. 833-834].

В ходе проведения Консультативной ассамблеи Совета Европы было принято предложение голландской стороны, предполагавшее созыв шести стран – членов Европейского объединения угля и стали с целью проведения дискуссии о будущем евроинтеграционных инициатив. Мартино пригласил министров иностранных дел шести стран в Мессину, где должно было пройти обсуждение меморандума, предложенного странами Бенилюкса, в котором предлагалась общая экономическая интеграция и создание общеевропейского рынка [4, с. 861-864].

Мартино придавал встрече явно политическое значение, что подтверждалось межминистерской встречей, проводимой на высшем уровне во дворце Киджи (резиденцией правительства Италии) 27 мая 1955 года с целью решения вопросов, внесенных на рассмотрение министрами иностранных дел в Мессине [7, с. 213].

Также Мартино напомнил, что на конференции должен быть назначен глава Высшего Органа вместо ушедшего в отставку Моне, а также, что участники конференции должны рассмотреть вопрос осуществления прорыва в области евроинтеграции, в частности, прорыва вследствие создания общего рынка, способного распространиться и на другие страны Старого континента, не ограничиваясь только лишь странами Европейского объединения угля и стали [8, с. 77].

История, прохождение и завершение, равно как и результаты проведения Мессинской конференции (1-2 июня 1955) хорошо известны: так, на ней был решен вопрос наследника Моне, а именно на пост главы Высшего Органа был назначен француз Рене Майер; участники приняли решение способствовать развитию и усилению Европейского объединения угля и стали путем экономической интеграции в секторах, установленных Договором об основании, и согласовали “общую” или же “горизонтальную” интеграцию европейской экономики через создание общего рынка, а также договорились о принятии мер, нацеленных на проведение работы в

области транспорта и электроснабжения. Также планировалась реализация комплекса мер по координации монетарной политики и учреждению европейского инвестиционного фонда. Следует отметить, что встреча в Мессине была определена как “отказ от федералистической концепции в пользу функционального видения пути развития Европы в условиях отсутствия хорошо изученного рационального проекта” [13, с. 99]. Действительно, в ходе работы конференции определились две точки зрения на проблему объединения: французы настаивали на осуществлении интеграции выборочно, секторами, в то время как преобладающей точкой зрения, поддержанной, в частности, и Италией, была та, которая видела необходимость проведения “горизонтальной” интеграции.

Необходимо сказать, что даже по завершении конференции не было достигнуто единой стратегии объединения, в результате чего комитет делегатов и экспертов, возглавляемый Полем Анри Спааком, уполномоченный на подготовку технического заключения, на основе которого предполагалось принятие решения компетентными техническими органами, столкнулся с упорной оппозицией Франции, желавшей и в дальнейшем проводить политику протекционизма.

Мартино принялся энергично отстаивать результаты конференции перед критическими нападками, которые накладывали на них тавро чрезмерной “европейскости” и даже “националистичности”. Всего несколько недель после завершения конференции он писал: “Нетерпеливым европейцам, чью “щедрость чувств” можно по-человечески понять, мы должны напомнить, что Италия не может сама объединить Европу, как и не может самоизолироваться назло правительствам и народам, которые пока не рассматривают или же по каким-то причинам недостаточно серьезно рассматривают свое участие в построении такого содружества, способного принести всеобщее благо”.

Выбор анахоретизма для такой благородной цели не может быть выбором правительства, считающего себя ответственным за безопасность миллионов человек.

Италия должна всего лишь выполнить свою часть работы, в лучшем случае, побудить остальных выполнить свои обязательства в стремлении достичь единой цели, отдавая для этого все свои силы. С другой стороны, необходимо понять мотивы колебаний и медлительности остальных участников объединительного процесса, поскольку они могут быть вызваны трудностями, такими, как предположительное влияние определенных традиций, которые необходимо преодолеть, но которые невозможно не учитывать и, тем более, трактовать в обидной для их

почитателей форме. В плюриэтнической Европе борец за свои права не может возникнуть в одно мгновение, хотя ее объединение является высшим и настоятельным требованием.

Националистам, которые смотрят на прошлое, а не на будущее, мы должны сказать, что Италия не может изолировать себя от движения, направленного на объединение Европы, и при этом оказаться ретроградом и скатиться к разделению. Да и само объединение Италии говорит в пользу объединения на уровне континента, ведь что, в сущности, было территориальное объединение Италии, как не борьба и победа над прошлым. Будущее является залогом единства, причем именно по той причине, что прошлое, вернее возврат к нему, влечет разделение. Также необходимо добавить, что в игре участвует не одна лишь наивысшая гражданская ответственность Италии, которая призывает нас не отказываться от решения наших европейских задач в свете процессов, происходящих на Старом континенте и их непосредственно обуславливающих, но также и личный интерес Италии, который ведет нас к более активному и тесному сотрудничеству в самом широком смысле. То есть, речь не идет о построении объединенной Европы за счет “упразднения” Италии, а о построении Европы, которая позволит Италии развить все свои характеристики, позволяющие сделать жизнь всех итальянцев более наполненной и отвечающей нормам гражданского общества”. [17, с. 25-27].

Принимая участие в конце июля в инаугурации учебного года в Университете для иностранцев города Перуджа (*Università italiana per stranieri di Perugia*), он снова вернулся к данной теме и пояснил природу и дух “Союза стран западной Европы”.

“Союз стран западной Европы является ассоциацией, а не сообществом в прямом смысле этого слова, однако построение ассоциации осуществляется в формах, предвидящих основание сообщества в будущем. Европейский союз это не обычное союзное объединение, а инструмент общего и постоянного сотрудничества” [9, с. 28-39].

Используемая литература:

1. Исторический архив министерства иностранных дел Италии (ASMAE), *Quaroni a Martino*, Parigi, 5 aprile 1955, Amb. Parigi 1951-1958, XVII, b. 56 – 1880 с.
2. Исторический архив министерства иностранных дел Италии (ASMAE), *Quaroni a Martino*, Parigi, 11 novembre 1955, Amb. Parigi 1951-1958, XVII, b. 56.
3. Исторический архив министерства иностранных дел Италии (ASMAE), *Zoppi a Martino*, Londra, 7 dicembre 1955, Amb. Parigi 1951-1958, XVII, b. 56.
4. Исторический архив министерства иностранных дел Италии (ASMAE), *Brusio al MAE*, Washington, 2 febbraio 1955, Amb. Washington, XVII, b. 29.

5. Исторический архив министерства иностранных дел Италии (ASMAE), *Brusio al MAE*, Washington, 24 aprile 1956, Amb. Washington, XVII, b. 31.
6. Исторический архив министерства иностранных дел Италии (ASMAE), *Grazzi al MAE*, Bonn, 23 febbraio 1955, *Affari Politici 1950-1957*, Germania, XII, b. 417 (1955).
7. Исторический архив министерства иностранных дел Италии (ASMAE), *Appunto di Benvenuti*, Archivio di Gabinetto 1944-1958, XI, v. 68
8. Исторический архив министерства иностранных дел Италии (ASMAE), *Verbale della riunione interministeriale per l'esame dei problemi della conferenza di Messina tenuta al Ministero degli Affari Esteri il 27 maggio 1955 alle ore 18*, Roma, 27 maggio 1955, XII, n. 5
9. Исторический архив министерства иностранных дел Италии (ASMAE), *L'Italia e l'Europa*, Discorso pronunciato per il 50° anno accademico dell'Università italiana per stranieri di Perugia, X, G12, VI, n. 5
10. Ballini, Varsori, *L'Italia e l'Europa (1947-1979)*, Soneria Mannelli, 2004 – 338 c.
11. Carli, *Cinquant'anni di vita italiana*, Mondadori, Roma-Bari, 1996 – 322 c.
12. Demi, *Dalla neutralità all'atlantismo. La parabola diplomatica e politica di Manlio Brusio*, in *Nuova Storia Contemporanea*, n.2, 2002 – 212 c.
13. Ferraris, *Manuale della politica estera italiana 1947-1993*, Laterza, Bari, 1996 – 199 c.
14. Gaja, *Rapporto su trentacinque anni di politica estera italiana*, Petrangoli Editore, Firenze, 1989 – 171 c.
15. Gazzo, *L'opinione pubblica e i trattati di Roma*, Le Monnier, Firenze, 1989 – 552 c.
16. Grassi, *La diplomazia*, ELM, Perugia, 1995 – 380 c.
17. Martino, *L'Europa e l'Italia*, Editrice Tre, Venezia – 277 c.
18. Melchionni, *L'invitato in ritardo: la Storia e l'Integrazione Europea*, Einaudi, Bologna, 1999 – 296 c.
19. Pastorelli, *La politica europeistica dell'Italia negli anni Cinquanta*, Einaudi, Bologna, 1987 – 460 c.
20. Preda, *Storia di una speranza. La battaglia per la CED e la federazione europea (1950-1952)*, Airone, Milano, 1992 – 309 c.
21. Scarno, *Antonio Segni e la politica estera*, – Rivista di diritto pubblico e scienze politiche, n. 3, Padova, 2001 – 451 c.
22. Spinelli, *Europeismo* – Enciclopedia del Novecento, Istituto della Enciclopedia Italiana, Roma, 1977, vol. II, – 1338 c.

НИХАД ЛОУТФИ ХАДЖ АСААД. Процес європейської інтеграції і внесок італійської дипломатії до моменту проведення Мессинської конференції.

У статті досліджено процес європейської інтеграції та внесок італійської дипломатії в цей процес, починаючи із зародження ідеї євроінтеграції у двадцятих роках і до моменту проведення Мессинської конференції. Розглядається шлях перетворення поняття євроінтеграції в колективній свідомості, який був довгим і важким, а також знаходив різне ставлення в італійському уряді.

Ключові слова: Євроінтеграція, Мессинська конференція, італійська дипломатія.

NIHAD LOUTFI HAJ ASAAD. Process of European integration and deposit of Italian diplomacy to the moment of leadthrough of Messinskoy of conference.

In the article was investigated the process of European integration and the contribution of Italian diplomacy in this process, starting with appearing of the idea of European integration in the twenties up to the time of the Messina Conference. Considered the way of transformation of the European integration concept in the collective consciousness, which was long and difficult, and was meeting different attitude in the Italian government.

Key words: European integration, Messina Conference, Italian diplomacy